

культуре, стала «Карта-путеводитель «Многонациональный Петербург» – первый путеводитель именно по многонациональному городу, а не только по местам, связанным с какой-либо одной национальностью. В 2010 году вышел первый выпуск этого путеводителя, в который вошли 45 сюжетов с адресами в Адмиралтейском и части Центрального района. Подготовлена рукопись второго выпуска, посвященного Центральному району в целом, но пока нет средств на издание. Хочется надеяться, что это временное явление и все пять задуманных выпусков уникального пособия по вкладу представителей разных национальностей в культуру Петербурга увидят свет.

Еще одним новым направлением в работе Дома национальных культур стало сотрудничество с мемориальным музеем «Разночинный Петербург» (директор Т. Г. Федоренко). Вместе с коллективом этого музея «непарадного Петербурга» были созданы выставки «Фамильные ценности» из цикла «К Петербургу с любовью», представлявшие памятные предметы петербургских семей разных национальностей, «Красные шаманы» из Ленинграда – о студентах Института народов Севера (1929–1941 гг.), а также не требующая дополнительных объяснений выставка «Мы все петербуржцы, мы все – земляки». К 65-летию Победы в Великой Отечественной

войне на базе музейной выставки центр «Петрополь» провел научно-практическую конференцию «Была судьба на всех одна».

Развивается сотрудничество с Санкт-Петербургским городским Дворцом творчества юных, где Дом национальных культур представлен в жюри ежегодных конференций-конкурсов работ школьников «Многонациональный Петербург». В работе НЦ «Петрополь» участвуют сотрудники кафедры ЮНЕСКО и преподаватели других кафедр Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Ежегодно 24 мая Дом национальных культур отмечает в Библиотеке национальных литератур День славянской письменности и культуры. В 2012 году в этот день будут подведены итоги конкурса «Всех нас связующий язык» среди школьников и студентов разных национальностей. Это также совместный с библиотекой проект, посвященный русскому языку как языку межкультурной коммуникации, направленный на сближение и лучшее взаимопонимание петербуржцев разной этнической, но общей гражданской – российской – принадлежности.

Деятельность региональной общественной организации «Санкт-Петербургский Дом национальных культур» направлена на изучение Петербурга как многонационального социума и на формирование

надэтнической общегражданской идентичности доминантного уровня – россияне. Работа нашей организации получила освещение в двух документальных фильмах киностудии «Этнос» (режиссер Н. О. Серебрякова) – «Многонациональный Петербург» и «Город общей судьбы».

За четверть века национально-культурное движение Петербурга выросло и окрепло. Нет возможности хотя бы перечислить мероприятия и программы, осуществленные за это время национально-культурными объединениями, автономиями и межнациональными организациями. Однако следует подчеркнуть, что многие формы и методы работы по сплочению представителей разных национальных групп нашего города, по воспитанию единой петербургской идентичности впервые были придуманы, апробированы, усовершенствованы, обобщены именно в рамках этого движения. Даже многие слоганы, выражающие единство петербуржцев разных национальностей, возникли в рамках нашего движения. Этот опыт нельзя переоценить. Использование этих наработок стало основой деятельности других организаций, как общественных, так и государственных, и этим можно по праву гордиться.

У нас одна «национальность» – петербуржцы. Мы разные, но мы вместе!

Духовные нагала «Золотого века русской культуры» в Петербурге

Н. Ф. Золотухина

Феномен «золотого века русской культуры» в своих истоках связан с особенностями кросскультурных процессов, определивших духовную направленность формирования культурного пространства Петербурга на рубеже XVIII–XIX веков. Гармоничное единство этого пространства, ставшее одной из основ образа Петербурга в художественной и исторической литературе (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь,

Ф. М. Достоевский, А. Белый, А. Блок, Н. П. Анциферов, И. М. Гревс и др.), долгое время воспринималась как естественное явление. Именно поэтому требуется переосмысление с философско-культурологических позиций XXI века, сложившихся в истории, культурологии и петербурговедении интерпретаций возникновения этого феномена.

Особенности формирования Северной столицы во многом опре-

делялись тем, что оно совпало с новым этапом развития всего Российского государства и развития городской культуры как нового типа культурного пространства.

В допетровское время города, или правильнее сказать, поселения, в основном формировались вокруг крепостей-монастырей. Монастырь, являясь центром религиозной жизни, параллельно брал на себя оборонительные и градообразующие

функции. Так развивались Новгород, Псков, Владимир, Москва, Ярославль, Рязань и другие русские города. Так же закладывался и Петербург: на Заячьем острове была возведена в начале XVIII века Петропавловская крепость как форпост в войне со Швецией, а затем по проекту приглашенного Петром I итальянского архитектора Д. Трезини был построен Петропавловский собор. Но в отличие от древнерусских городов, дальнейшее развитие Петербурга пошло уже по новой даже для европейских городов модели. Закладывая город в дельте Невы, Петр I мечтал видеть его открытым, с площадями и прямыми улицами, на которых каменные дома должны были быть выстроены в красную линию «сплошной фасадом». Строительство царской резиденции и прилегающих к ней улиц «плановой» городской застройки происходило в соответствии с положением различных сословий по Табели о рангах. Храму, церковному строительству хотя и отводилась роль городских доминант, но в то же время включение его в архитектурные ансамбли города подчеркивало своего рода равноправие светского и религиозного начала в новой городской культуре

В городе с момента его основания стали возводиться церкви разных конфессий, в первую очередь лютеранские и реформатские, позже – католические. За Кронверком Петропавловской крепости появилась Татарская слобода, где жили мастеровые и торговые люди – татары, калмыки, киргизы, турки и представители других этносов. Здесь стояли войлочные юрты и разборные дома, которые легко можно было перенести для работы в другом месте. Память об этой слободе сохранилась в названии Татарского переулочка и Соборной (Татарской) мечети, построенной в 1913 году.

Утвержденный Петром I принцип веротерпимости имел истоки, весьма отличающиеся от европейских религиозных традиций толерантности. Парадоксально, но именно в исследованиях приверженца евразийства Л. Н. Гумилева во второй половине XX века было подвергнуто критике укоренившаяся в славянофильской и ее преемнице – евразийской концепциях развития России представление об

исключительно западноевропейской ориентации политики Петра I, в том числе и в отношении формирования культуры Петербурга. Как отмечал Л. Н. Гумилев, «Москва не продолжила традиций Киева, она уничтожила традиции вечною вольности и княжеских междоусобиц, заменив их другими нормами, во многом заимствованными у монголов – системой абсолютной дисциплины, широкой этнической терпимости и глубокой религиозности. Все петровские реформы были по существу логическим продолжением реформаторской деятельности его предшественников, которые заимствовали у татар конструкцию административного аппарата, организацию военного дела, финансовую систему, организацию путей сообщения и почты и прежде всего традиции национальной терпимости»¹.

Именно восточно-азиатские традиции веротерпимости в деятельности Петра I послужили основой того, что в становлении культурного пространства Петербурга поликонфессиональность стала естественным продолжением петровской политики по заселению города представителями разных национальностей, этнических групп и сословий. Кроме русских переселенцев – дворян, купцов и мастеровых разных художеств, прибывших в Петербург по царскому указу, в город приехало много иностранцев: английские кораблестроители, голландские офицеры, немецкие ученые, итальянские и французские архитекторы, а также художники и мастера из разных стран Западной Европы. При этом важно отметить, что представители разных национальностей и конфессий прибыли в Россию не как колонисты или миссионеры, а как специалисты высочайшего класса, приглашенные и почитаемые властью. А строительство храмов осуществлялось в Петербурге не в рамках развития религиозных институтов, а как атрибут полноценной человеческой жизни.

В результате общим итогом сосуществования представителей разных культур и конфессий в становлении Петербурга стало формирование уникального культурного феномена: гармоничного поликультурного и поликонфессиональ-

ного пространства, включающего представительство всех мировых религий: христианства, иудаизма, буддизма, ислама.

Одним из социокультурных следствий такого феномена была открытость пространства Петербурга, понимаемая и как преодоление национально-конфессиональной замкнутости отдельных культур, и как возможность включения в архитектурные ансамбли памятников, построенных в ином стиле, и как открытие возможностей для творческой самореализации личности художника-творца.

При этом необходимо подчеркнуть, что открытость культурного пространства Петербурга формировалась и на основе длительной (семивековой) национальной традиции взаимодействия Древней Руси с христианской культурой стран Европы, на что обращал внимание в своих работах, в частности, и Л. Н. Гумилев: «Контакты с Западной Европой у России никогда не прерывались. Привлечение Петром I на службу иностранных специалистов русскими людьми воспринималось как нечто вполне привычное»². Влияние традиций европейского межкультурного диалога на последующее развитие русской культуры неоднократно подчеркивал в своих исследованиях и Д. С. Лихачев: древнерусская литература как ядро средневековой культуры, «общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере – по происхождению. Эта литература, объединяющая различные славянские страны, существовала в течение многих веков, иногда впитывала в себя особенности языка отдельных стран, но одновременно и освобождалась от этих особенностей благодаря интенсивному общению славянских стран. Древнерусская литература обладала всеохватывающим внутренним единством <...> как литература одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни, процесс ее развития шел не путем дробления целого, а путем его роста и детализации»³.

Подобная динамика культурного процесса стала характерной особенностью и становления культурного пространства Петербурга. Но в отличие от развития древнерус-

ской культуры, открытость границ которой базировалась на единстве духовно-познавательного процесса освоения русскими культуры христианского мира и включения в нее достижений древнерусской культуры, общей основой открытости культурного пространства Петербурга стало единое созидательное начало, объединившее восточные и западные культурные традиции.

По мере возведения города созидательное начало взаимодействия представителей разных национальностей, сословий, религий и культур сделало очевидным для его участников зависимость их профессиональных достижений от уровня мастерства, от таланта и общечеловеческих нравственных качеств личности (добросовестности, трудолюбия, честности, взаимопомощи и др.), а не от национальной или конфессиональной принадлежности.

Открытость и созидательность, в свою очередь, стали основой уникального для своего времени духовного измерения пространства как условия творческой самореализации личности не только ведущих архитекторов, художников и строителей, но и для простых мастеровых, участвующих в сложном и многообразном убранстве Петербурга и его окрестностей. Крылатое выражение о том, что архитектура – это застывшая музыка, в культурном пространстве Петербурга обрело новое значение в развитии гармонического начала как в архитектуре, так и в русской певческой музыкальной культуре. Не удивительно, что это гармоническое начало оказалось так созвучно петровскому образу Северной столицы.

Благодаря деятельности воспитанника Придворной певческой капеллы, а с 1801 года ее директора, композитора, певца и дирижера Д. С. Бортнянского, традиции духовных песнопений получили свое развитие в культурном пространстве Петербурга. Так же как Растрелли в своих архитектурных творениях синтезировал особенности русского зодчества с европейскими традициями, в музыкальном искусстве, уже «начиная с XIX века, проявляется мощная тенденция к национальному своеобразию гармонии в творчестве М. И. Глинки, М. П. Мусоргского и других русских композиторов. Используя общев-

ропейскую гармоническую систему, свойства русской гармонии в сочетании с оригинальной мелодикой и ритмикой во многом обусловили своеобразный облик русской музыкальной культуры»⁴.

Гармоничное сочетание традиций Востока и Запада, открытости и созидательности в становлении культурного пространства Петербурга, свободы совести и творческой самореализации его созидателей привело к духовной гармонии женского и мужского начал в этих процессах. Одной из особенностей, отличающей взлет культуры Петербурга во второй половине XVIII века и первой половине XIX века, была его тесная взаимосвязь с деятельностью образовательных институтов Петербурга, которая становится все более значимым фактором формирования его культурного пространства. Необходимо заново переосмыслить ту уникальную роль, которую сыграло в формировании культурно-образовательного пространства Петербурга женское образование, на что одним из первых среди исследователей русской культуры обратил внимание Ю. М. Лотман⁵.

В 1764 году по Указу Екатерины II было создано Государственное женское дворянское учреждение, или Императорское общество института благородных девиц. Появление этого учебного заведения оказало огромное влияние и на становление всей российской системы образования, и на характер педагогической мысли, и на развитие культуры Петербурга. Идея открытия Смольного института благородных девиц принадлежала И. И. Бецкому, русскому просветителю и педагогу, включившему его создание в свой проект реформы народного образования. В основу образования смолянок уже «на заре жизни», по убеждению Бецкого, должны были быть положены нравственные добродетели: «вера в Бога, благонравие, трудолюбие, бережливость, опрятность, терпение, ибо самые мудрые законы без добрых нравов не сделают государство счастливым»⁶.

Воспитание смолянок было ориентировано на воплощение нового идеала женщины-дворянки – образованной светской женщины, обладающей тонким эстетическим вкусом и изысканными манерами.

Большое значение в связи с этим придавалось художественному образованию девушек: «их учили игре на клавесине, арфе, скрипке, виолончели, пению, танцам и даже композиции. В институте был создан театр. Его оперные и балетные постановки, посещаемые членами императорской семьи, пользовались огромным успехом»⁷. О художественных дарованиях и обаянии смолянок мы можем судить по серии портретов кисти Д. Г. Левицкого (1772–1776), где они представлены или в образах героинь опер, или играющими на музыкальных инструментах.

Вскоре после открытия Института благородных девиц по инициативе Бецкого был осуществлен еще один педагогический благотворительный проект – создание Воспитательного дома для сирот и «безродных» младенцев, на базе которого впоследствии был организован Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Деятельность Петербургского воспитательного дома неразрывно связана с именем императрицы Марии Федоровны. Следуя гуманистическим принципам, заложенным Бецким, Мария Федоровна преобразовала воспитательный дом в целый комплекс медицинских и учебно-воспитательных учреждений, обеспечивающих бесплатную помощь бедным матерям и детям, вскармливание брошенных младенцев, приют, обучение и воспитание сотен сирот, независимо от их социального происхождения. Это был настоящий подвиг милосердия, длившийся более 30 лет. Как отмечали ее благодарные последователи, «трудно найти историческое имя, которое было бы более популярно и более бессмертно на Руси имени императрицы Марии Федоровны <...> Слава ее не блещет яркими героическими деяниями <...> она сияет мирным кротким греющим светом любви и милосердия...»⁸

В начале XIX века со Смольным институтом была связана также и деятельность одного из основателей российской педагогической науки – К. Д. Ушинского. Работая инспектором классов, он реформировал систему образования института, построив ее на принципах патриотического воспитания и приобщения смолянок к богатству родного языка

и русской культуры. Ушинский ввел в обучение двухлетние педагогические классы, окончание которых позволяло выпускникам Смольного института вести профессиональную педагогическую деятельность.

Связь женского образования с основами семейной педагогики оказала влияние на формирование нового для городской культуры XVIII века социального института домашнего воспитания и образования детей в дворянских семьях. Именно с середины XVIII века в домах дворян появляются библиотеки и у хозяина, и у хозяйки, в которых были представлены произведения отечественной и зарубежной литературы. Екатерина Дашкова, одна из блистательных женщин той эпохи и одна из первых в мире женщин, ставшая в 1783 году Президентом Академии наук, отмечала в своих записках: «Мы учились четырем языкам (французскому, немецкому, итальянскому и русскому)»⁹. Кроме того, княгиня обучалась рисованию, музыке, танцам; ее игрой и пением позднее восхищался французский философ Дидро.

В начале XIX века начинает формироваться новое отношение к детству, в котором ведущее значение приобретает воспитание в духе нравственных идеалов и ценностей романтического искусства. Как нам известно из биографии А. С. Пушкина, в раннем детстве ребенок слушал няинины сказки, в которых Добро сталкивается со

Злом, а повзрослев, знакомился с романами, в которых героические рыцари спасают красавиц, вступая в борьбу с силами Зла.

Эти идеалы послужили основой формирования личности женщин, ведущих активный духовный образ жизни. Одним из духовных проявлений такого феномена, как Пушкинский век, стало возникновение в Петербурге художественно-литературных салонов, законодательницами которых были женщины дворянки, одаренные, образованные, духовно богатые: Е. И. Оленина, Е. И. Голицына, А. О. Смирнова-Россет, С. Н. Карамзина, Е. П. Ростопчина. В театре блистали своим талантом драматическая актриса Е. С. Семенова, балерина А. И. Истомина. Многие из них стали и музами поэтов, музыкантов, художников, писателей, и устроительницами их духовно-творческой жизни. Поистине гений А. С. Пушкина, М. И. Глинки, М. Ю. Лермонтова мог расцвести только в таком возвышенном духом общении. Этот «чистейшей прелести чистейший образец» А. С. Пушкин воплотил в художественном образе героини романа в стихах «Евгений Онегин» Татьяны Лариной, ставшей духовно-нравственным идеалом многих девушек не только XIX, но и XX века. Так, Марина Цветаева – поэт Серебряного века, в своих воспоминаниях признавалась, что всю свою жизнь она старалась следовать этому идеалу. Даже в советское время, превращенный

Е. П. Ростопчина.
Худ. Г. Кордик. 1846 г.

Е. М. Оленина.
Литография с рис. Василевского

в школьно-хрестоматийный, этот идеал не утратил своего духовного обаяния.

Подлинными центрами культурной жизни столицы, начиная с XVIII века, стали музыкальные салоны княгини Зинаиды Волконской, князей В. Ф. Одоевского и А. Ф. Львова, графов Виельгорских, великой княгини Елены Павловны. В Белом зале Михайловского дворца, в салоне Елены Павловны – одной из образованнейших женщин своего времени, покровительницы искусств и меценатки, собирались самые знаменитые люди России и Европы – политики, ученые, поэты, художники, музыканты. Одним из руководителей музыкальных вечеров в салоне великой княгини стал Антон Григорьевич Рубинштейн,

А. О. Смирнова-Россет.
Худ. П. Ф. Соколов, 1834–1835 гг.
Всероссийский музей А. С. Пушкина

Е. И. Голицына.
Худ. Йозеф Грасси,
1800–1802 гг.

Е. С. Семенова.
Худ. К. Брюллов

Великая княгиня Елена Павловна.
Худ. А. Грааль, 1830 г.

возглавивший Императорское Русское музыкальное общество, из музыкальных классов которого впоследствии выросла Петербургская консерватория¹⁰. Постоянный участник вечеров у Елены Павловны граф М. Ю. Виельгорский, будучи почетным опекуном Петербургского Воспитательного дома с 1832 по 1855 год, внес огромный, поистине неопределимый вклад в развитие педагогического образования, и прежде всего женского, включив в него в качестве неотъемлемого компонента освоение художественной и музыкальной культуры. О масштабе его деятельности свидетельствует даже простое перечисление учреж-

дений, в развитии которых он принимал непосредственное участие: Сиротский институт, Александринский сиротский дом, родильный госпиталь, училище повивальных бабок, грудное отделение, лазареты, училище глухонемых, деревенская экспедиция, Александровская мануфактура, богадельня и т. п.¹¹

Трудно переоценить, какое значение имел процесс женской духовной эмансипации для дальнейших судеб культуры России и национального самосознания, да, по большому счету, и для мировой культуры. Ю. М. Лотман подчеркивал, что «поведение женщин последекабристской эпохи – факт не только “женской культуры” <...> то, что в обществе уже были люди, живущие духом и в значительной мере женщины, создавало совершенно иной быт. Вторая половина XVIII и первая половина XIX века отвела женщине особое место в русской культуре. Именно тогда сложилось представление о женщине как наиболее чутком выразителе эпохи – взгляд, позже усвоенный И. С. Тургеневым и ставший характерной чертой русской литературы XIX века <...> антитеза “мужского взгляда” и “женского” у Пушкина заменяется противопоставлением исторического и вечного. Так называемый женский взгляд становится реализацией вечно человеческого»¹².

Таким образом, домашнее образование, где роль духовного лидера играла женщина, через институт семьи позволило наиболее гармонично осуществить преемственность ценностей русской крестьянской патриархальной культуры и дворянской городской, включившей в себя влияние европейской культуры. В то же время развитие в культуре женского начала в своей наивысшей духовной форме позволило адекватно самоопределиться в культуре и мужскому началу, воплотившемуся также в своих наиболее высоких идеалах: патриотизма, служения отечеству, благородстве устремлений, чести, мужества и отваги. Именно эти идеалы стали ведущими принципами в образовательном процессе новых мужских учебных заведений, которые были созданы в Петербурге во второй половине XVIII и первой половине XIX века.

Открытый в 1732 году Шляхетный кадетский корпус, в разработке

А. И. Истомина в роли Флоры.
Миниатюра неизвестного художника

учебной программы которого принимал участие и М. В. Ломоносов, со временем трансформировался из военного в светское учебное заведение, став одним из центров дворянской культуры. В Уставе корпуса 1766 года было записано: «сделать человека здоровым, украсить сердце и разум, готовить знатных граждан». Не удивительно, что из стен того корпуса вышел М. И. Кутузов, гению которого Россия обязана победой в войне над Наполеоном. И в то же время этот корпус стал в 1750 году колыбелью русского театра, возникшего из любительского коллектива учащихся под руководством драматурга А. П. Сумарокова.

Шляхетный кадетский корпус, Пажеский корпус, девизом которого было: «Чист как золото и тверд как сталь», Петербургская академия художеств и, конечно же, Царскосельский, впоследствии Александровский, лицей, Петербургская консерватория, Воспитательный дом, а также многие другие появившиеся в Петербурге учебные заведения воспитали целую плеяду ученых, инженеров, педагогов, врачей, полководцев, писателей, поэтов, государственных деятелей, художников и музыкантов, лучшие из которых составили духовную элиту России XIX века.

Без этих новых носителей духовно-творческого измерения культуры Петербурга невозможно представить ни триумфальную победу России над Наполеоном в войне

1812 года; ни уникальный в мировой истории подвиг жен декабристов, отправившихся на каторгу за своими опальными мужьями; ни фантастический по своему масштабу духовный подъем и расцвет культуры XIX века, получивший название «золотого века русской культуры»; ни расцвет русской философско-религиозной мысли и культуры Серебряного века в конце XIX – начале XX века, давшего России и миру целую россыпь драгоценных имен писателей, поэтов, музыкантов, художников, архитекторов, мыслителей и религиозных деятелей.

¹ Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 247, 249, 252; Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 174.

² Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 246.

³ Лихачев Д. С. Своеобразие древнерусской литературы // Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971. С. 67.

⁴ Категории. Теория музыки. Музыкальные термины. Гармония // Электронный ресурс. [Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>]

⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002.

⁶ Дмитриева Е. В. Санкт-Петербург. Культура и быт. СПб., 2002. С. 169, 170.

⁷ Белякаева-Казанская Л. В. Силуэты музыкального Петербурга. СПб., 2001. С. 47.

⁸ Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Императорского Воспитательного дома до Российского педагогического университета. СПб., 2007. С. 33, 34.

⁹ Дмитриева Е. В. Указ. соч. С. 286.

¹⁰ Белякаева-Казанская Л. В. Указ. соч. С. 144–146.

¹¹ Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Императорского Воспитательного дома до Российского педагогического университета. СПб., 2007. С. 52.

¹² Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 57, 58, 64, 74.

Афганцы в Петербурге

Наиб Сафи

Первые эпизодические торгово-экономические и политические контакты между Россией и государствами образований на территории Афганистана существовали еще в XV–XVI веках. Персидский историк Абдарразак писал о прибытии русских послов ко двору тимуридского правителя Герата в 1464 году. А в 1490 году в Москве побывал посол владельца Герата Султан Хусейн Байкари (1469–1506) с предложением «о дружбе и любви». В середине XVI века после завоевания Казани и Астрахани при Иване Грозном активизировались сношения России с ханствами Средней Азии и Афганистана, однако постоянных контактов установлено еще не было.

В 1642 году вместе с купцами и вьюками товаров в Москву прибыл посланник владетельного хана Балха Ходжа Ибрахим для установления дружественных отношений. Царь Михаил Федорович (1613–1645) в ответной грамоте известил хана о своей согласии на установление дружественных отношений и развитие торговли с Балхом. Значительный интерес проявился в России к восточным соседям во время царствования Алексея Михайловича. Царь направил в Персию посольство князя Козловского. Вместе с ним были отправлены и гонцы – казанский купец Никита Сережкин и астра-

ханский житель Василий Тушканов. Они должны были исследовать Индию и доставить Великому Моголу Шах Джахану (1628–1657) грамоту от московского государя. Однако персидский шах отказался пропустить русских гонцов через свои территории. В середине XVII века в России неоднократно предпринимались попытки добыть сведения о коротких, безопасных и удобных торговых путях в Индию через Хивинское ханство и Бухарский эмират. С таким поручением братья Борис и Семен Пазухины со спутниками прибыли в Хиву. Из Бухары братья Пазухины отправили в Балх своих толмачей Никиту Медведева и Семена Измайлова для сбора сведений о путях в Индию. Правитель Балха оказал посланцам дружелюбный прием и разрешил свободно проехать через свои территории. При Петре I был начат систематический сбор сведений об афганцах и Афганистане. Продолжался он и после кончины императора российскими политическими деятелями.

Таким образом, уже начиная с XV–XVI веков Россия имела нерегулярные торгово-экономические и политические контакты с Афганистаном. Российские власти были заинтересованы в привлечении афганских купцов к торговле между Афганистаном и Россией. Однако России не удалось установить

прямые дипломатические и иные контакты с Афганистаном вплоть до завоевания этой страной независимости во главе с эмиром Аманулла-ханом в 1919 году. Одной из причин, из-за которой Россия не смогла установить тесные контакты с Афганистаном, являлось противоборство и противоречия с Англией и борьба за сферы влияния в этом регионе. И все же неофициальные контакты между Афганистаном и царской Россией на высшем уровне имели место еще до обретения им независимости.

Имя афганского общественно-политического деятеля последней четверти XIX века Саида Джамалуддина Афгани (*Джемаль ад-Дин аль-Афгани*) (1839–1897), сторонника пересмотра религиозной и социально-философской системы ислама в свете развития науки и культуры в условиях подъема антиколониальной борьбы народов Востока, связано с Петербургом.

Шейх Саид Джамалуддин Афгани родился 3 марта 1839 года в Афганистане, в семье сейида – потомка пророка Мухаммеда. На родине и в Индии, позже – во Франции Саид Джамалуддин получил прекрасное мусульманское и европейское образование. Из Индии совершил паломничество в Мекку, посетил Иран, Ирак, Хиджаз. Саид Джамалуддин Афгани служил первым визирем у эмира Дост Мухаммед-хана, но в